

[Рец. на: / Review of:] **B. Wagner-Nagy. *A grammar of Nganasan***. Leiden: Brill, 2018. xviii + 583 p. (Grammars and sketches of the world's languages. Indigenous languages of Russia.) ISBN 978-90-04-38275-6.

Иван Андреевич Стенин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
ystein88@gmail.com

Благодарности: Работа поддержана грантом РНФ № 19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири».

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.150-160

Ivan A. Stenin

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; ystein88@gmail.com

Acknowledgements: The work is supported by the Russian Scientific Foundation, Project No. 19-78-10139 “Argument structure, voice and valency-changing derivations in the languages of Western Siberia”.

Рецензируемая книга является первой дескриптивной грамматикой нганасанского языка, содержащей последовательное описание всех традиционно выделяемых уровней языка. До этого нганасанский язык становился объектом монографического описания в работе [Терещенко 1979], где, однако, отсутствует раздел о синтаксисе (хотя ср. соответствующие наблюдения в [Терещенко 1973]). Нганасанская грамматика занимает также значительное место в хрестоматиях [Katzschmann 2008; Wagner-Nagy (szerk.) 2002]. Из других работ монографического объема заслуживают упоминания диссертация [Коваленко 1984] о нефинитных формах, книга [Wagner-Nagy 2001] о словообразовании, сборник [Хелимский (ред.) 1994], посвященный не только нганасанскому языку, но и традиции нганасанского шаманства. Наконец, среди основополагающих публикаций нельзя не назвать краткий грамматический очерк [Хелимский 1994; Helimski 1998].

Монография Б. Вагнер-Надь является корпусно-ориентированной грамматикой, что определяет как ее преимущества, так и ее недостатки. С одной стороны, описание богато иллюстрировано реальными текстовыми примерами (зачастую на каждое явление дается по 3–4 примера, что кажется даже излишним), с другой стороны — многие утверждения о семантике тех или иных показателей или конструкций нуждаются в данных элицитации, благодаря которым они могли бы стать более точными и полными. Отрицательный языковой материал представлен в грамматике крайне скудно, в основном лишь в тех случаях, когда неграмматичность определенного явления и так вполне предсказуема. Примеры взяты прежде всего из корпуса [Brykina et al. 2018]¹, включающего на данный момент около 180 текстов (общим объемом 143 993 слова), среди которых чуть более одной трети составляют бытовые нарративы и небольшое количество диалогов, а примерно две трети² — фольклорные тексты, в основном эпические сказания (ситабы и дюрымы)³, а также песни.

¹ Корпус создан под руководством и по инициативе автора грамматики.

² Не исключено, что такой вынужденно несбалансированный состав корпуса также может влиять по крайней мере на утверждения о частотности или (не)возможности тех или иных явлений (а таких утверждений в грамматике достаточно), если учесть особую сложность и вычурность поэтического языка нганасан. Ср. наблюдения Е. А. Хелимского о том, что, даже не имея собственной письменности, нганасаны обладали стандартизированным литературным языком (языком устной традиции), а также традицией культуры речи и склонностью к языковому пуризму [Хелимский 2000].

³ Ситабы — героико-эпические сказания, имеющие смешанную повествовательно-песенную форму и исполняемые без инструментального сопровождения. Дюрымы — историко-мифологические предания, а также сказки.

Нганасанский язык наряду с тундровым ненецким, лесным ненецким, тундровым и лесным энецким, северноселькупским, южноселькупским и центральноселькупским, а также мертвыми маторским, камасинским и юрацким, относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Нганасанский язык находится под угрозой исчезновения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность нганасан составляет 862 человека, тогда как о владении нганасанским языком заявили лишь 125 человек. При этом реальное число говорящих едва ли превосходит 50 человек (такая оценка, в частности, дается в [Gusev 2015]), большинство носителей старше 60 лет.

Нганасанский язык нечасто упоминается в типологических работах, хотя ему есть чем похвастаться. Это и чрезвычайно сложная морфонология, и одна из самых богатых среди языков Сибири эвиденциальная система, и морфемы из 10 фонем... Впрочем, как минимум одна особенность нганасанской грамматики должна быть чуть более известна; благодаря ей он даже попал в «Кабинет грамматических редкостей», размещенный на сайте Университета Констанца. Речь идет о нейтральной стратегии падежного маркирования личных местоимений при аккузативной стратегии маркирования обычных имен (*rarissimum* No. 89). Появление англоязычной грамматики, как кажется, должно способствовать популяризации нганасанского языка среди лингвистов.

Грамматика состоит из Введения, составляющего первую главу, 15 основных глав и образцов текстов, данных в последней главе. Описание построено по традиционной модели и включает последовательное рассмотрение фонетики и фонологии, словоизменительной морфологии, синтаксиса именной группы, простого и сложного предложений, а также некоторых дискурсивных особенностей. Набор глав более или менее стандартный; несколько экзотично на общем фоне выглядит лишь глава 16 («Lexicon»), содержащая обзор некоторых семантических полей с минимальными аналитическими комментариями. Вызывает вопросы также наличие отдельных глав, посвященных дитранзитивным конструкциям (глава 11, которая содержательно вполне могла бы стать частью главы 7 «Verbal valence and valence-changing operations») и эвиденциальности (глава 6; это можно было бы лишь приветствовать, если бы данная глава не была столь короткой и не дублировала бы частично сведения, помещенные в предшествующей ей главе «Verbal inflection»).

Во введении (с. 1–33) содержится подробная информация о нганасанах, традиционной и современной территории их расселения, истории, традиционной культуре и верованиях⁴, дается краткая типологическая характеристика нганасанского языка, описание основных диалектных различий, социолингвистической ситуации, орфографии и практической транскрипции, используемой в книге, а также очерк истории изучения нганасанского языка и обзор релевантных источников, включая основные метадаанные, касающиеся корпуса и информантов. Не менее обстоятельны следующие четыре главы: «Phonetics and phonology» (с. 34–93), «Word classes» (с. 94–175), «Nominal inflection» (с. 176–213) и «Verbal inflection» (с. 214–274).

В описании фонологической системы автор в целом следует очерку [Helimski 1998], выделяя 8 гласных (i, ü, i, e, э, o, a) и два дифтонга (ia и ua — дифтонгоиды i'a и u'a, согласно Е. А. Хелимскому), статус которых по-прежнему неясен и проблематичен, и 19 согласных (+ два сегмента, которые не могут считаться полноправными фонемами; ср. инвентарь в 18 + 3 у Е. А. Хелимского). Согласный [d] называется аллофоном /t/, и в этом месте новая грамматика Б. Вагнер-Надь повторяет ту же ошибку, которая была сделана в [Wagner-Nagy (szerk.) 2002] и на которую указывалось в рецензии [Leisiö, Salminen 2006], — смешение аллофонических отношений и морфонологических чередований. В отношениях дополнительной дистрибуции находятся [d] и [ð], так что их логично считать аллофонами одной фонемы. Что касается [j] и [j̥], признаваемых в грамматике отдельными фонемами, а в [Helimski 1998] аллофонами, их дистрибуция несколько различается

⁴ Увы, почти всё, что связано с традиционным образом жизни нганасан, дается по понятным причинам в прошедшем времени.

в авамском и вадеевском диалектах, однако, по-видимому, ничто не мешает придерживаться точки зрения Е. А. Хелимского.

Подробно описаны фонотактические ограничения и возможные структуры слога, кратко — силлабификация⁵ и расстановка ударения. В литературе нганасанский зачастую описывается как моросчитающий язык; ср. хотя бы [Хелимский 1987; Vaysman 2009]. Б. Вагнер-Надь не использует понятие моры и считает любые последовательности гласных (в том числе идентичных, т. е. «долгие» гласные), кроме дифтонгов⁶, двусложными. Основное ударение при таком подходе в норме падает на предпоследний слог; ср. *'ka.ðar* 'свет', *kü. 'ma.a* 'нож'⁷. Однако при словоизменении первый сегмент в последовательностях гласных, как правило, сохраняет ударение, даже если он занимает уже не предпоследнюю позицию; ср. *kü. 'ma.a.mə* 'мой нож'⁸, хотя *ka. 'ðar.mə* 'мой свет'. Кроме того, если в предпоследнем слоге находится гласный верхнего подъема /i ü i u/ или /ə/, а в предшествующем ему — гласный /a e o/, ударение может факультативно смещаться на предшествующий слог; ср. *ba. 'ru.s'i ~ 'ba.ru.s'i* 'злой дух' (системы словесного ударения, чувствительные к качеству гласного, обнаруживаются и в некоторых других уральских языках, в частности, в мокшанском, марийских, коми). Б. Вагнер-Надь отмечает также, что т. н. дифтонги /iä/ и /uä/ всегда находятся под ударением в любой позиции, и приводит в пример слово *ho.rə. 'ðiaj* 'лист' (с. 74). Независимо от того, имеют ли в самом деле слова с /iä/ в последнем закрытом слоге какие-либо особенности акцентуации, в целом приведенное утверждение неверно; ср. *ŋa. 'miaj.d'üm* 'другой (из двух)' vs. *ŋa.miaj. 'çu.mə* 'девять', *'kob.tua* 'девушка' (а не **kob. 'tua*). Второстепенное ударение, в отличие от основного, «отсчитывается» слева, т. е. от начала слова, и приходится на первый слог каждой двусложной стопы, предшествующей той, которая несет основное ударение; ср. *'kəri|, gal'i|, ria|ti'ni|nə* 'только в моих перекочевках'.

В той же главе («Phonetics and phonology») описываются морфонологические правила, хотя автор, очевидно, не считает морфонологию частью фонологии. Одним из наиболее сложных и красочных процессов является т. н. чередование ступеней согласных, или консонантная градация. В отличие от прибалтийско-финских и саамских языков, в нганасанском продуктивна как ритмическая, так и слоговая градация. Слоговая градация зависит от открытости / закрытости слога: сильная ступень чередования наблюдается перед гласным открытого непервого слога, слабая ступень — перед гласным закрытого непервого слога; ср. *ku.hu* 'шкура': *ku.bu-ʔ* (PL), *ba.sa* 'железо, деньги': *ba.d'a-ʔ* (PL), *kən.tə* 'нарта': *kən.də-ʔ* (PL), *ka.ðar* 'свет': *ka.ta.rə-ʔ* (PL). Ритмическая градация определяется ритмической структурой слова: сильная ступень чередования выступает после гласного первого, третьего и прочих нечетных слогов⁹; ср. формы POSS.3SG *ni.-ti*, *bi.ni.-ði*, *ba.ku.nu.-tu*,

⁵ Поведение гортанного смычного в позиции между гласными остается не до конца ясным. По словам автора, иногда он формирует инициаль, тогда как в большинстве случаев — финаль слога. Проблематична также силлабификация слов, включающих последовательность /bt/.

⁶ При этом последовательности гласных *ia* и *ua* также существуют.

⁷ В данной рецензии сохранена без изменений практическая транскрипция, использованная в грамматике. Большинство морфем вслед за Е. А. Хелимским обозначается заглавными буквами.

⁸ В этом слове, а также в слове *la. 'tə.ə.mə* 'моя кость' (с. 73) в грамматике неправильно поставлено ударение.

⁹ Утверждение автора о том, что в сильной ступени выступает согласный в инициали слога, находящегося в суффиксе и непосредственно следующего за нечетным слогом основы (с. 75), неточно в двух отношениях. Во-первых, градации подвержены в том числе кластеры, а граница слогов, как правило, проходит между элементами кластера; ср. приводимый на с. 76 пример *gə.rə.də-n. tə.ni* (город-ЛОС) 'в городе', где кластер *NT* выступает в сильной ступени. Во-вторых, сильная ступень может выступать уже после слога, находящегося в суффиксе, если суффикс неодносложный; ср. пример на той же странице *hon.tu.-rə.ku* (лед-сим) 'как лед', где в сильной ступени выступает *K*.

kə.ri.gə.li.-ði от слов ‘женщина, жена’, ‘веревка’, ‘осетр’, ‘перекочевка’. Два типа градации упорядочены: ритмическая применяется до слоговой, в последней участвуют только сегменты, оставшиеся в сильной ступени после применения правил слоговой градации. Есть несколько дополнительных правил, регулирующих действие ритмической градации:

- (А) только сильная ступень чередования выступает после согласных, если результирующий кластер не участвует сам по себе в ритмической градации; ср. *ka.ðar.-tu* (свет-POSS.3SG), как и *kur.-ti* (мысор-POSS.3SG);
- (В) только слабая ступень выступает после последовательностей гласных; ср. *la.tə.ə.-ðu* (кость-POSS.3SG), *ba.kə.ðə.ə.-ðu* (шея-POSS.3SG)¹⁰.

Кроме того, общую картину затемняет существование «нулевого согласного»^С, особой морфемы, реализуемой на поверхностной уровне нулем, но ведущей себя в отношении большинства правил как полноценный согласный и возникшей на месте исторически существовавшего согласного. В связи с этим и открытость / закрытость слога, и некоторые другие параметры следует понимать в морфонологическом смысле. Нулевой согласный участвует и в ритмической, и в слоговой градации; ср. *ko.ðu* (*KO.TU^C*, в записях М. А. Кастрена *koduŋ*) ‘пурга’: *ko.ðu.-tu* (*KO.TU^C.-TU*, POSS.3SG)¹¹, *kən.tə* ‘нарта’: *kən.də* (*KƏN.TƏ^C*, GEN). Б. Вагнер-Надь избегает введения особого согласного в морфонологический инвентарь и описывает релевантные факты через понятие «пустого» слота (empty slot) в финали слога, однако выигрыш от данного решения не вполне очевиден.

Другое нововведение — постулирование кластеров, участвующих в градации, с одним неспецифицированным носовым (*NH*, *NT*, *NK*, *NS*, *NSⁱ* вместо *MH*, *NT*, *DK*, *NS*, *NⁱSⁱ* в описании Е. А. Хелимского; в обоих случаях из них порождаются поверхностные *ŋh*, *mb*, *nt*, *nd*, *ŋk*, *ŋg*, *ns*, *ŋsⁱ*, *ndⁱ* с гомоганным носовым), — как кажется, более удачно, поскольку делает описание более экономным.

В ключевых таблицах 24 и 31 на с. 75 и с. 78, иллюстрирующих ритмическую и слоговую градацию, пропущен ряд элементов; в итоге половина ячеек в нижних строках содержит ошибки, в связи с чем я позволю себе привести их здесь полностью в должном виде.

Таблица 1

Ритмическая градация

deep structure	H	T	K	S	S ⁱ	NH	NT	NK	NS	NS ⁱ
strong grade	h	t	k	s	s ⁱ	ŋh	nt	ŋk	ns	ŋs ⁱ
weak grade	b	ð	g	d ⁱ	d ⁱ	^C H	^C T	^C K	^C S	^C S ⁱ

¹⁰ В [Helimski 1998: 491] содержится также правило (С): только слабая ступень кластера NT выступает перед гласным открытого не второго слога; ср. *hūtəðə-tənu* (тело-LOC), где представлен показатель локатива *-NTƏNU*. Оно не упоминается в грамматике — возможно, потому, что функционирует по меньшей мере не без исключений; ср. форму *gə.rə.ðə-n.tə.nu* (город-LOC) ‘в городе’ в сноске 9 выше.

¹¹ Таким образом, в нганасанском, как и, например, в финском, есть класс квазиконсонантных (псевдовокалических) основ, которые, хотя и оканчиваются в исходной поверхностной форме на гласный, во многих отношениях ведут себя как консонантные; ср. именные основы на *-e* в финском, при описании которых также зачастую вводится «нулевой согласный»^X, соответствующий выпавшему **h*: *huone* ‘комната’: *huone-tta* (*HUONE^X-TtA*, PART). Впрочем, в нганасанском только поведение с точки зрения слоговой градации, т. е. чередования внутри основы и влияние на выбор варианта следующего аффикса, свидетельствует о принадлежности данных основ к особому классу; ср. *kodu* ‘пурга’: *kodu-tu* (POSS.3SG): *kotu* (GEN): *kotu-ʔ* (NOM.PL) и регулярные формы от основы на гласный — *kotu* ‘тетя’: *kotu-ðu* (POSS.3SG): *kodu* (GEN): *kodu-ʔ* (NOM.PL). Для объяснения парадоксальных форм NOM.PL от основ на «нулевой согласный» в [Helimski 1998: 491–492] предлагается специальное правило, превращающее «нулевой согласный»^C в «нулевой гласный»^V в релевантных позициях, в частности, ^Cʔ# > ^Vʔ#, ^{CC}# > ^{VC}#.

Таблица 2

Слоговая градация

deep structure	H	T	K	S	Si	NH	NT	NK	NS	NSi
strong grade	h	t	k	s	s ⁱ	ŋh	nt	ŋk	ns	ńs ⁱ
weak grade	b	ð	g	d'	d'	mb	nd	ŋg	ńd'	ńd'

Среди других морфонологических процессов — нуннация (восстановление удаленного в результате применения правил ритмической градации глубинного носового согласного, если предшествующий носовой согласный в том же слове отделен лишь гласным или последовательностью гласных; ср. *MUNU-NTU-M* > (ритмическая градация) *MUNU-^cTU-M* > (нуннация) *munu-ntu-m*), т. н. «гармония гласных» (зачастую описывается как синхронно немотивированный сингармонизм по ряду¹²; ср. *hon-siə-ði* (иметь-PST-3SG.O.SG) vs. *hon-suə-ðu* (заплести-PST-3SG.O.SG); в грамматике именуется *suffixal alternation*¹³), различные ассимиляции, палатализации, усечения, эпентезы и пр.

Глава 3 «Word classes» (с. 94–175) содержит описание основных морфологических свойств и словоизменительных возможностей различных грамматических классов слов — краткое для имен и глаголов (поскольку они обсуждаются в двух следующих главах) и весьма подробное для остальных частей речи. Однако подобная обстоятельность не всегда однозначно позитивна: так, в качестве отдельных подклассов выделяются личные местоимения с различными фокусными и эмфатическими показателями, а также их комбинациями (ср. *miñ-s'iə-güə-gümi-nə*, где между местоименной основой и обязательно появляющимся в таких случаях посессивным суффиксом определенного лица и числа присутствует целых три таких показателя). Значение некоторых таких сочетаний (хотя бы тех, которые содержат только показатели *-RA₁a* 'только' или *-Kəličə* 'даже'), как кажется, композиционно (хотя, разумеется, и нуждается в специальном изучении), и в выделении их в качестве особых разрядов нет необходимости. Что касается остальных комбинаций, многие из которых не упоминались в предшествующей литературе, грамматика, к сожалению, не содержит описания их семантики, ограничиваясь в лучшем случае парафразами вроде «a bit like 'whereas'», «something akin to 'of course, naturally'», «something like 'I/you ... could also do it for sure'». Иногда даже адекватный перевод на английский язык признается невозможным, как, например, при описании демонстративов с теми же эмфатическими частицами¹⁴.

Описание словоизменительной системы (главы 4–5) содержит ряд содержательных нововведений, однако их обоснованность вызывает вопросы, поскольку в целом обсуждаются лишь детали формальной морфологии, тогда как семантика грамматических показателей не получает сколько-нибудь подробного освещения. Б. Вагнер-Надь выделяет в индикативных формах шесть времен: Аорист, Прошедшее, Плюсквамперфект (pluperfect), Будущее (general future), Имmediатное будущее (immediate future) и Будущее-в-прошедшем. В нганасанском, как и в других северносамодийских языках, вид является словоклассифицирующей категорией, т. е. противопоставляются перфективные и имперфективные лексемы, а не формы, при этом в индикативе данное противопоставление частично морфологизовано (только имперфективные глаголы имеют форму на *-NTU*, называемую обычно Презенсом, только перфективные — форму на *-ʔə*, называемую Перфектом¹⁵), тогда как в ненецких и энецких

¹² Ср., впрочем, [Fejes 2018: 138–139], где утверждается, что *U/I*-гармония — это сингармонизм по огубленности, вполне предсказуемый при статистическом анализе данных.

¹³ Доменом «гармонии гласных» является в нганасанском словоформа, за одним исключением: гармонии подчиняется вспомогательный глагол *əku-* 'наверное', основа которого имеет также алломорф *əki-*.

¹⁴ Ср. цитату: «The meaning of these forms cannot be adequately translated into English» (с. 129).

¹⁵ В грамматике данные показатели глоссируются единообразно — AOR.

в одной и той же немаркированной форме, зачастую именуемой Аористом, перфективные глаголы могут реферировать только к прошлому, а имперфективные — только к настоящему. В грамматике, однако, вместо Презенса и Перфекта выделяется одна форма — Аорист.

Если стремление выделить Аорист с учетом вышесказанного, в принципе, можно понять (хотя это спорное решение), то об Имедиатном будущем того же нельзя сказать. По словам автора, для описания ситуаций, которые произойдут немедленно, обычное Будущее не используется¹⁶, а используются глаголы, маркированные показателем *-ʔkə / -ʔki*; в подтверждение приводится пример (1).

- (1) *təndə* *huənu* *tahariaa* *munu-ntu:* *mənə* *büü-ʔki-ʔi-nə* ...
 that.GEN after now say-AOR.3SG.S I go.away-RES-AOR.R-1SG.R
timinīa *ni-nə* *nanu*
 now woman-GEN.POSS.1SG with
 ‘After that he says: I am leaving now together with my wife’ (с. 239).

Не исключено, что для данной формы действительно доступны употребления, на первый взгляд напоминающие футуральные, в особенности с первым лицом (ср. *Ну всё, я пошел*), хотя без специального исследования едва ли можно утверждать, что это отдельный от интенциональных тип употреблений¹⁷. Независимо от ответа на последний вопрос, с парадигматической точки зрения выделение дериватов на *-ʔkə / -ʔki* — очевидно, в формах Аориста, хотя грамматика об этом умалчивает¹⁸, — как особой формы Имедиатного будущего выглядит как минимум экстравагантно.

Среди других наклонений следующие анализируются как различающие временные формы: Императив (Аорист и Будущее), Интеррогатив (Аорист, Прошедшее и Будущее), Несесситатив (Прошедшее и Будущее), а также Репортатив (Аорист и Будущее)¹⁹. В одну «суперкатегорию» объединяются как собственно наклонения, так и формы с явно эвиденциальным значением, что, с одной стороны, можно объяснить традицией самодийского языкознания, а с другой — парадигматическими соображениями: во-первых, все ненулевые формы находятся в дополнительной дистрибуции, во-вторых, есть особая форма Вопросительного репортатива, имеющая, согласно [Гусев 2007], два употребления, представленные в следующих примерах.

- (2) *čaj* *d'anguj-huəŋhu.* — *čaj* *d'anguj-huə?*
 чай отсутствовать-REP.3SG.S чай отсутствовать-REP.INTER.3SG.S
 {Фрагмент диалога, контекст переспроса:} ‘Чая, говорят, нет’ (в магазине). — ‘Говорят, нет?’ [Гусев 2007: 438].
- (3) *kađiau* *bəinair-mün-də* *kərbu-ba-ru??*
 эй воевать-NMLZ.IPFV-LAT хотеть-REP.INTER-2PL.S
 {Вопрос задает парламентар, посланный к восставшим²⁰.} ‘Эй, вы воевать хотите?’ [Там же].

¹⁶ Примеров, которые подтверждали бы это утверждение, не приводится.

¹⁷ В основном употреблении *-ʔkə / -ʔki* обозначает начало процесса, при этом сочетается как с имперфективными, так и с перфективными глаголами; дериват, однако, всегда перфективен [Гусев 2012: 327–329].

¹⁸ Умалчивает грамматика и о том, как отличить Имедиатное будущее от просто глаголов с суффиксом *-ʔkə / -ʔki* (называемым в грамматике «(инхоативно-)результативным»; этой его ипостаси посвящен один короткий абзац в главе о словообразовании), которые, конечно же, могут употребляться в различных временах, включая обычное Будущее.

¹⁹ Ср. тем не менее таблицу 5.7 на с. 241, из которой следует, что прошедшее время в Репортативе и Несесситативе выражается только аналитически. Так же оно может быть выражено в Спекулятиве и Абессиве.

²⁰ Речь идет о восстании 1932 года, когда нганасаны и долганы воспротивились коллективизации.

Согласно В. Ю. Гусеву, форма Вопросительного репортатива на *-HA₂*, морфологически более простая, чем форма обычного Репортатива на *-HA₂NHU²¹*, используется редко; вместо нее употребляют обычный Интеррогатив или обычный Репортатив²². Несмотря на то, что в грамматике есть отдельная глава об эвиденциальности²³, в ней приводятся лишь базовые данные (во многом дублирующие соответствующие разделы предшествующей главы), и основным источником сведений о нганасанской эвиденциальной системе²⁴ остается статья [Гусев 2007].

К сожалению, целый ряд ключевых сюжетов нганасанской грамматики освещен в книге недостаточно. Так, в грамматике по сути отсутствует описание условий реализации т. н. субъектно-объектного спряжения, при котором в глаголе индексируется не только подлежащее, но и прямое дополнение. Как и в остальных северносамодийских языках, оно доступно лишь для некоторых объектных именных групп, однако контексты его употребления предположительно отличаются как от тундровой ненецкой, так и от энецкой модели; ср. наблюдения в [Wratisl 2018]. Отдельные утверждения, встречающиеся в этой связи в разных частях грамматики, противоречат друг другу. Так, на с. 214 заявляется, что возможность объектного согласования зависит, в частности, от идентифицируемости (identifiability) объекта, а на с. 230 — что не зависит²⁵.

Хотелось бы видеть более информативное обсуждение категории дестинатива, сведения о которой рассредоточены по разным главам. Дестинативом в самодистике называют именную категорию, в большинстве употреблений вводящую (с помощью посессивных показателей) Бенефицианта (4).

- (4) *kita-ḍə-mə* *bəbtu-ŋu-ri*
cup-DEST.(ACC.)POSS.1SG pour.out-IMP-2DU.S
'Pour a glass for me' (с. 402).

Существуют как минимум три подхода к анализу данной категории: дестинатив как перспективная посессивность, как аппликативная конструкция и как ТАМ-категория имени. При этом различия между северносамодийскими языками в этой области изучены слабо, хотя отдельные, преимущественно формальные, параметры варьирования известны (так, показатели дестинатива дифференцированы по числу в энецких и нганасанском, но не в ненецких языках; ср. показатель *-Tə* в примере (4) выше и показатель *-TI* в следующей форме: *basa-ḍi-ñü?* (money-DEST.PL-(ACC.)POSS.1PL) '∼ деньги для нас' (с. 401)). В нганасанском дестинатив, помимо существительных, присоединяется к аллативному последлогу *d'a-* (с. 398–399), к указательному местоимению в функции личного местоимения

²¹ Это дает основания предполагать, что ранее именно форма на *-HA₂* использовалась во всех репортативных контекстах.

²² Известно, можно ли употребить обычный Репортатив в примерах типа (2)–(3), что предполагало бы, что для этой формы возможны два наиболее часто фигурирующих в литературе по эвиденциальности типа индексикального сдвига: (interrogative) flip-прочтение в контекстах типа (2) и *by-проху*-прочтение в контекстах типа (3). Обсуждаемый в [Гусев 2007] пример скорее указывает на третью возможность (не имеющую устоявшегося ярлыка), при которой в сфере действия эвиденциального показателя находится пресуппозитивный компонент вопроса.

²³ Других глав, специально посвященных семантике тех или иных грамматических показателей или категорий, в книге нет.

²⁴ Помимо Репортатива нганасанские эвиденциальные формы включают Инференциал, с инференциальными и адмиративными употреблениями, и Аудитив, маркирующий прямой невизуальный (преимущественно слуховой) доступ говорящего к информации о ситуации.

²⁵ В оригинале: «Agreement between the object and predicate are contingent on the pragmatic properties of the object, such as identifiability or accessibility» (с. 214), «The use of this [= objective — И. А.] conjugation type depends on information status and not on the definiteness or identifiability of a direct object» (с. 230).

3 лица (пример 61 на с. 213), а также, если основываться на глоссах примеров в грамматике, к Супину (пример 27b на с. 443). Кроме того, в нганасанском именная группа с показателем дестинатива, судя по всему, может быть подлежащим пассивной конструкции (пример 156 на с. 173, пример 9 на с. 401), что, согласно И. А. Николаевой [Nikolaeva 2015: 112], невозможно в тундровом ненецком в силу того, что пассивизация вызвана топикализацией тематического аргумента, а именные группы с показателем дестинатива исключены из числа конструкций, требующих топикальности аргумента²⁶. Впрочем, последнее различие, если оно действительно существует, может свидетельствовать и о том, что в этих языках несхожи свойства пассивных конструкций²⁷.

Среди посессивных суффиксов, как заявляется в свехкратном разделе 4.2.2, непосессивные функции имеют показатели *POSS.2SG*, *POSS.3SG*, *POSS.1PL* и *POSS.3PL*. Если особый статус показателей *POSS.2SG* и *POSS.3SG* более или менее очевиден для специалистов по уральским языкам, то для последних двух показателей в этом ряду необходимо специальное обоснование, которого в грамматике не дается. Более того, в разделе 2.2 главы 14 «Discourse organization», где более подробно обсуждаются функции показателей *POSS.2SG* и *POSS.3SG*, показатели *POSS.1PL* и *POSS.3PL* даже не упоминаются, зато упоминается показатель *POSS.1SG* в «ассоциативной анафорической» функции²⁸. К сожалению, это не единственный в грамматике пример рассогласования в формулировках и утверждениях²⁹. Что касается показателей *POSS.1PL* и *POSS.3PL*, они могут использоваться в т. н. партитивной функции³⁰ (ср. *ɲiʔə-miʔ* ‘one of us’, *ɲiʔəj-čüŋ* ‘one of them’, с. 210), однако это с необходимостью следует и для *POSS.2PL*, а также, по-видимому, посессивных показателей всех лиц двойственного числа.

В нганасанском языке, в отличие от многих других уральских, есть глагол ‘иметь’ (*hon-*), однако для выражения предикативного обладания употребляется не только *haveo*-конструкция, но и конструкция с глаголом-связкой *tai-* ‘существовать’, используемым также в экзистенциальных предложениях. В этом случае и обладаемое, и посессор, в том числе неместоименный, оформляются номинативом³¹; ср. (5).

²⁶ Это не касается именных групп с показателем дестинатива в генитиве, поскольку они являются адьюнктами.

²⁷ Здесь необходимо сделать оговорку: выводы И. А. Николаевой о тундровом ненецком основаны на свойствах конструкции причастного пассива (как единственной продуктивной пассивной конструкции в этом языке), тогда как нганасанские примеры, о которых говорилось выше, включают глагольный деривационный пассив.

²⁸ Правда, один из двух примеров на эту функцию, а именно 24b на с. 467, нерелевантен, поскольку в глоссах пропущен дестинативный показатель, что делает перевод неверным.

²⁹ Иногда те или иные утверждения оказываются тривиальным образом ложными. Так, в разделе о функциях падежей сообщается, что пролативом могут маркироваться не все субстантивные имена, а именно «он не присоединяется к именам, обозначающим одушевленные сущности, поскольку маркирует только направление» (с. 200, в оригинале «direction» — И. С.). Однако уже на следующей странице выясняется, что у пролатива есть различные функции, например, им управляют глаголы типа ‘думать’, прекрасно сочетающиеся с одушевленными объектами; ср. пример ниже.

(i) *sili-mənu* *siŋərir-ŋi-ŋ*
who-PROL think-INTER-2SG.S

‘Who are you thinking of?’ (с. 201).

³⁰ В грамматике говорится о «селективной» функции, и в этой же связи приводятся случаи типа *meŋdʰadʰə-ɬuŋ* ‘the new one’, *baarbə-ɬuŋ* ‘the leader one’, которые, как кажется, следует отделять от обычных случаев выбора из множества, задаваемого посессивным показателем. Если это так, то у показателя *POSS.3PL* в самом деле могут быть специфические употребления.

³¹ Схожим образом, судя по всему, обстоит дело в энецких диалектах, тогда как в тундровом ненецком неместоименный посессор оформляется генитивом.

- (5) *təti səmaʔtu bəjku-naŋku*³² *iniʔia-ʔku-ðu* *təi-siüə*
 this Enets old.man-DIM wife-DIM-POSS.3SG exist-PST.3SG.S
 'This old Enets had a wife' (с. 360).

Из грамматики нельзя узнать о различиях в свойствах несогласуемых и согласуемых посессоров, о подлежащих свойствах и синтаксических свойствах прямого дополнения, о сочетаемостных возможностях деривационных показателей (хотя такая информация есть в [Wagner-Nagy 2001]). Не приводится полностью инвентарь морфем, при этом совсем не упоминается *Ti*. Разделы, посвященные синтаксису, в целом сверхкратки (о релятивизации всего две страницы!).

Зачастую путаются фонетическая и фонологическая транскрипция: так, в главе 2 нередко можно встретить утверждения вроде «[ə] can be pronounced as [o] or [a]» (с. 48). Говорка периодически называется специальной разновидностью русского языка. При объяснении тех или иных явлений регулярно встречается апелляция к информационной структуре высказывания, при этом зачастую не приводится даже левый контекст.

К числу спорных технических решений можно отнести отделение эпентетических гласных в строке текста и глосс, различие в транскрипции палатальных и палатализованных согласных (так, в книге фигурируют *d'* для [j], *ń* для [ɲ], а также *l'* и *s'*, при этом палатализованность *š* не маркируется), непрозрачную дистрибуцию нескольких типов таблиц (одни, именуемые словом «table», получают название и собственную нумерацию; другие, именуемые «chart», получают название, но нумеруются в общем порядке, как сентенциальные примеры; третьи нумеруются в общем порядке, но не имеют названия; четвертые не получают ни названия, ни номера). Откровенно неудачны глоссы *nrst* для именного прошедшего, термины «regent» вместо «predicate» (в главе об аргументной структуре и актантно-значимых преобразованиях), «volative» вместо «volitive», обозначение морфологического нуля в ряде случаев цифрой «0», а также расположение таблиц, которые во многих случаях оказываются перед разделом, к которому они относятся.

К сожалению, издание не лишено опечаток, в том числе в языковых примерах: «*siñerirŋiŋ*» (с. 46) вместо *siñerirŋiŋ*, «*ñemirə*» (с. 90) вместо *ñemirə*, «*lədiʔs*» (с. 101) вместо *lədiʔs*, «*biiʔ d'ir ɲamɪajčümə d'ir naɣür biiʔ*» (с. 160) вместо *biiʔ d'ir s'itiðətə d'ir naɣür biiʔ s'ajbə*, «*biði-*» (с. 177) вместо *biði-*, «*l'ekiru-*» (с. 181) вместо *l'ekiru-*, «*s'ti*» (с. 320) вместо *s'ti*, «*anikaʔa*» (с. 325) вместо *anikaʔa*, «*sirajkaʔa*» (с. 325) вместо *sirajkaʔa* (слово также расположено не в том столбце таблицы 8.2), отсутствует одно из слов в строке текста в примере 143b на с. 168. Встречаются досадные опечатки и в собственных именах исследователей. Иногда оговорки более существенны, хотя при внимательном чтении все же заметны: например, на с. 49 сообщается, что дифтонги, в частности, не встречаются в ауслауте, но имеется в виду, что они не встречаются в анлауте. В некоторых случаях, однако, заметить неточность более сложно: в таблице 23 на с. 232 приводятся несуществующие формы глагола *kotud'a* 'убить', во всех них вместо показателя *-ʔa* должен быть показатель *-ʔi*, кроме того, в идентичных формах 2/3DU.O.PL согласовательный показатель должен выглядеть как *-či*, а не *-či*.

Подводя итог, можно сказать, что рецензируемая грамматика суммирует и во многих аспектах дополняет накопленные самодистикой сведения об устройстве слов в нганасанском языке³³, однако в области грамматической семантики, а тем более синтаксиса нганасанского языка остается еще много белых пятен. Хочется надеяться, что выход грамматики повысит интерес к нганасанскому со стороны типологов и лингвистов-теоретиков,

³² Несмотря на то, что финальные показатели генитива и аккузатива в непосессивной именной парадигме утратились, значительное число основ различают формы номинатива и генитива / аккузатива, в частности, благодаря чередованию ступеней согласных. Так, от слова 'старичок' форма генитива / аккузатива непосессивного склонения выглядела бы как *bəjkuŋangu*.

³³ Правда, необходимость в морфологическом словаре от этого не становится меньше.

а самодистов стимулирует заполнять исследовательские лакуны и продолжать изучать этот удивительный язык «в поле», пока его помнят.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	о — субъектно-объектное спряжение
ACC — аккузатив	PART — партитив
AOR — аорист	PL — множественное число
DEST — дестинатив	POSS — посессивность
DIM — диминутив	PROL — пролатив
DU — двойственное число	PST — прошедшее время
GEN — генитив	R — рефлексивное спряжение
IMP — императив	REP — репортатив
INTER — интеррогатив	RES — результатив
IPFV — имперфектив	S — субъектное спряжение
IPFV — имперфектив	SG — единственное число
LAT — латив	SIM — симилиатив
LOC — локатив	
NMLZ — номинализация	
NOM — номинатив	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гусев 2007 — Гусев В. Ю. Эвиденциальность в нганасанском языке. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Н. А. Козинцевой*. Храковский В. С. (отв. ред.). СПб.: Наука, 2007, 415–444. [Gusev V. Yu. Evidentiality in Nganasan. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati N. A. Kozintsevoi*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 415–444.]
- Гусев 2012 — Гусев В. Ю. Аспект в нганасанском языке. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 2012, 8(2): 311–360. [Gusev V. Yu. Aspect in Nganasan. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticskikh issledovanii RAN*, 2012, 8(2): 311–360.]
- Коваленко 1984 — Коваленко Н. Н. *Инфинитные глагольные формы в системе зависимой предикации (на материале нганасанского языка)*. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т им. Ленинского комсомола, 1984. [Kovalenko N. N. *Infinitnye glagol'nye formy v sisteme zavisimoi predikatsii (na materiale nganasanskogo yazyka)* [Non-finite verb forms in the system of subordinate predication in Nganasan]. Ph.D. diss. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 1984.]
- Терещенко 1979 — Терещенко Н. М. *Нганасанский язык*. Л.: Наука, 1979. [Tereshchenko N. M. *Nganasanskii yazyk* [The Nganasan language]. Leningrad: Nauka, 1979.]
- Хелимский 1987 — Хелимский Е. А. Встречный двунаправленный отчет мор в нганасанском языке. *The 21st international congress of phonetic sciences: Proceedings*. Vol. 1. Tallinn, 1987, 158–161. [Helimski E. A. Bidirectional mora counting in Nganasan. *The 21st international congress of phonetic sciences: Proceedings*. Vol. 1. Tallinn, 1987, 158–161.]
- Хелимский 1994 — Хелимский Е. А. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка. *Таймырский этнолингвистический сборник: Материалы по нганасанскому шаманству и языку*. Вып. 1. Хелимский Е. А. (ред.). М.: РГГУ, 1994, 190–221. [Helimski E. A. A sketch of Nganasan morphophonology and inflectional morphology. *Taimyrskii etnolingvistskii sbornik: Materialy po nganasanskomu shamanstvu i yazyku*. No. 1. Helimski E. A. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1994, 190–221.]
- Хелимский 2000 — Хелимский Е. А. Нганасанский язык как литературный: размышления по поводу литературных языков. *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. М.: Языки русской культуры, 2000, 161–163. [Helimski E. A. Nganasan as a literary language: Thoughts on literary languages. *Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 161–163.]
- Хелимский (ред.) 1994 — Хелимский Е. А. (ред.). *Таймырский этнолингвистический сборник: Материалы по нганасанскому шаманству и языку*. Вып. 1. М.: РГГУ, 1994. [Taimyrskii etnolingvistskii sbornik: Materialy po nganasanskomu shamanstvu i yazyku [Taimyr ethnolinguistic anthology:

- Materials on the Nganasan shamanism and language]. No. 1. Helimski E. A. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1994.]
- Brykina et al. 2018 — Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. *Nganasan spoken language corpus (NSLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 12 June 2018. URL: <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Fejes 2018 — Fejes L. Utilization of Nganasan digital resources: A statistical approach to vowel harmony. *Proc. of the 4th International Workshop for Computational Linguistics for Uralic Languages (IWCLUL 2018, Helsinki, 2018)*. Helsinki, 2018, 121–140.
- Gusev 2015 — Gusev V. Negation in Nganasan. *Negation in Uralic languages*. Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2015, 103–132.
- Helimski 1998 — Helimski E. Nganasan. *The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998, 480–515.
- Katzschmann 2008 — Katzschmann M. *Chrestomathia Nganasanica: Texte – Übersetzung – Glossar – Grammatik, Bearbeitung der Нганасанская фольклорная хрестоматия zusammengestellt von Kazis I. Labanauskas unter Berücksichtigung des* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. Norderstedt: Books on Demand, 2008.
- Leisiö, Salminen 2006 — Leisiö L., Salminen T. [Review of:] A chrestomathy of the Nganasan language. ([Review of:] *Chrestomathia Nganasanica*. Szerkesztette Wagner-Nagy Beáta. (Studia Uralo-Altaica: Supplementum 10.) Szeged & Budapest, 2002. 306 pp.). *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 2006, 59: 190–196.
- Nikolaeva 2015 — Nikolaeva I. On the expression of TAM on nouns: Evidence from Tundra Nenets. *Lingua*, 2015, 166: 99–126.
- Vaysman 2009 — Vaysman O. *Segmental alternations and metrical theory*. Ph.D. diss. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 2009.
- Wagner-Nagy 2001 — Wagner-Nagy B. B. *Die Wortbildung im Nganasanischen*. (Studia Uralo-Altaica, 43.) Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 2001.
- Wagner-Nagy (szerk.) 2002 — Wagner-Nagy B. (szerk.). *Chrestomathia Nganasanica*. (Studia Uralo-Altaica, 10: Supplementum 10.) Szeged; Budapest: SzTE Finnugor Tanszék; MTA Nyelvtudományi Intézet, 2002.
- Wrtil 2018 — Wrtil M. Structural case and objective conjugation in Northern Samoyedic. *Diachrony of differential argument marking*. Seržant I. A., Witzlack-Makarevich A. (eds.). Berlin: Language Science Press, 2018, 345–380.

Получено / received 09.12.2019

Принято / accepted 07.04.2020

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 02.09.2020 Формат 70×100¹/₆ Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 360 экз. Зак. 4/5а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»